

О.Б. Кох
док. ист. наук.
Профессор кафедры истории и петербурговедения
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Лёля или «леди Елена Гленарван». Разбирая бумаги семейного архива.

Автопортрет. 1935 г.

В каждой семье есть небольшой архив. Справки, свидетельства об окончании школы, удостоверения, старые пропуска в библиотеки и на службу. Сохранился такой архив и семье Изигкейтов. Первый документ в жизни Елены Эдуардовны Биржаковой (по мужу) – свидетельство о рождении, заверенное повивальной бабкой, которая принимала на дому. На нем стоят штампы о выдаче дров и молока. Приметы голодающего и замерзающего Петрограда.

Девочка родилась 21 января 1920 г. в семье этнического немца Эрнеста Эдуарда Изигкейта (1875–1942).

История этой петербургской-ленинградской семьи восходит к середине XIX в., когда немец из Кенигсберга (Восточная Пруссия) Генрих Изигкейт, потерявший работу в Берлине, переселился в Россию. Его сын – Эдуард, решив окончательно обосноваться в Петербурге, купил булочную несмотря на то, что был механиком. Это и определило профессию его подрастающего сына – Эрнеста. Его забрали из шестого класса Петершуле, определили в реальное училище, а по получении аттестата отдали в обучение кондитерскому делу, по итогам которого пришлось держать экзамен в цеховой организации. Но для этого ему пришлось по документам добавить год — так Эрнест превратился в Эдуарда (были предъявлены метрики его умершего старшего брата 1873 года рождения). В 1914 г. теперь уже Эдуард Эдуардович принял русское подданство и считал себя русским, поэтому в 1939 г. во время переписи населения, несмотря на протест переписчиков, указал русский как родной язык. Он дважды вдовел. В третьем браке его женой стала Евдокия Павловна Холодова (1894–1969), происходила она из промысловых новгородских крестьян.

Редким документом в домашних архивах бывают мемуары. Счастливая случайность, мемуары о семье Изигкейтов написала сестра Елены - Лидия Эдуардовна (в замужестве Киселева, 05. 03. 1922 — 1997). Эти воспоминания написаны в конце 1970-х гг. и были результатом совместных усилий трех сестер. Окончательный текст от своего лица оформила Лидия. Она была уже тяжело больна и прикована к инвалидному креслу. Так сестры помогали ей бороться с болезнью. Они были дружны всю жизнь, но особенно их дружба окрепла в годы блокады.

Как росла, играла, училась Елена – Лёля, так ее звали в семье? Мир ее осознанного детства – улица Халтурина (быв. Миллионная), куда семья переехала в 1927 г., недалеко от прежней квартиры, на набережной Мойки. Здесь прошло детство и юность. Площадь

Жертв революции, площадь Урицкого, Кировский мост – все те же Марсово поле, Дворцовая, Троицкий. Те, но не «те». Это «другой» город и другая аура. Но все та же Нева и стрелка Васильевского острова, и Петропавловка, и Ростральные колонны. Как-то в середине 1990-гг. Елена Эдуардовна пешком проделала путь от института до метро «Невский проспект». Потом с горестью поделилась впечатлениями, что почти так она ходила с Лидой в университет, зимой по льду Невы, даже в блокаду. Тогда в 1990-е гг. был солнечный весенний день. Было безумно красиво, но никогда не было так щемяще больно. В этом месте соединилось все: и радость детства, и боль военных потерь. Это была ее малая родина.

Воспитанием детей в семье родители занимались вместе, но «высокий» стиль задавал отец. Он получил неплохое по тем временам образование – шесть классов знаменитой в Петербурге немецкой школы Петершуле, приравненной к гимназии. Мать имела три класса церковно-приходской школы. Оба любили читать, самообразование было стилем их жизни.

1927 г.: Лёле – 7 лет, Лиде – 5. «Папа стал заниматься нашим образованием и эстетическим воспитанием. Мы жили почти рядом с Зимним дворцом и Эрмитажем, потому неоднократно их посещали. Вся эта роскошь царских палат, непревзойденные и доселе невиданные шедевры высокого и прикладного искусства потрясали, поражали воображение малого ребенка. В немом восторге, почти не дыша мы рассматривали заинтересовавшие нас предметы. В те годы Эрмитаж еще не ассимилировал Зимний дворец, и во дворце частично сохранялась прежняя обстановка соответственно назначению апартаментов. Думаю, ребенку интереснее и воспринимать дворец в «жилом» виде, чем смотреть в нем экспозиции.

Большим удовольствием было для нас бывать в Зоологическом музее. Там нам нравилось буквально все. Самое большое впечатление, оставшееся у меня с детских лет на всю жизнь, было лицезрение мамонта. Все остальное уступало его чарам».

Чтение детских книг, запоминание стихов (особенно отцу нравилось, когда маленькие девочки наизусть декламировали длинное стихотворение «Крокодил» К. Чуковского), походы в музеи отразились и на их детских играх, все они были интеллектуальными. «Во что мы только не играли: в библиотеку, в лотерею, в почту, в театр... Наши пьесы носили в основном веселый комедийный характер, поэтому мы считали себя объединенными в ОЮП - Общество юмористических представлений. Когда у нас в праздничные дни собирались гости мы разыгрывали перед ними спектакли на нашей домашней сцене – в гостиной. Мы ставили отдельные сценки из пьес различных авторов, в частности из комедии Гоголя «Ревизор». Лёля играла роль Анны Андреевны... Нередко мы сами инсценировали различные рассказы в прозе или в стихах. Использовали «Приключения Тома Сойера» Марка Твена. Лёля исполняла Бекки. Мама терпеливо относилась к нашим затеям, отчасти даже помогала найти подходящую одежду для действующих лиц. Особенно мне памятна подготовка к постановке «Снегурочки». За основу мы взяли оперу Н. А. Римского-Корсакова. Для Снегурочки была сшита красивая белая шапочка, отороченная мехом и подготовлен из льна белокурый парик с длинными косами. Когда Лёля примерила перед зеркальным шкафом светлый серебристый наряд Снегурочки, мне она показалась несказанно прекрасной, как идеальное воплощение сказочного образа дочери Весны...

Интересной была игра в почту. Переписывались мы под псевдонимами. Лёлю звали «леди Елена Гленарван», меня – «миссис Дункан». Мы считались взрослыми женщинами и сообщали друг другу о своих семейных делах и о впечатлениях о выдуманных путешествиях».

Повзрослев, увлеклись театром, в основном оперой. Это было уже влияние матери, она всю жизнь вспоминала о концертах в Народном доме Ф. Шаляпина и для себя, когда шила тихонько напевала «Ночной смотр» на стихи В. Жуковского - «В двенадцать часов по ночам, из граба встает барабанщик...»

«Лёля больше всего любила оперу «Евгений Онегин», но предпочитала драматический тенор Н. К. Печковского, поэтому ей в основном нравились оперы с его участием: «Пиковая дама» П. И. Чайковского, «Паяцы» Р. Леонковалло».

Книги покупал отец. В период гражданской войны он собрал неплохую библиотеку, в основном историческую. О роскошно иллюстрированном «Трехсотлетии Дома Романовых» всегда вспоминали с восхищением. Это библиотека была сожжена в блокаду, ценой ее гибели была спасена жизнь обыкновенной ленинградской семьи.

Лет в шестнадцать Лёля прочла роман Л. Войнич «Овод». «Я никогда больше не видела, - вспоминала Лида, - чтобы Лёля так отчаянно плакала над книгой. Она дочитала ее утром в день своего рождения и трагическая участь Овода ее так поразила, что она не могла успокоиться до самого вечера...»

В семье были свои «маленькие» традиции, которые свято соблюдали сестры до конца жизни. На первом месте были дни рождения, которые «по возможности отмечались у нас довольно торжественно. Год начинался со дня рождения старшей сестры. Этот день в стране был траурным, на домах – черные флаги (день смерти В. И. Ленина – Ред.). В школах занятия кончались раньше обычного и после траурного митинга мы возвращались домой. Вечером приходили гости. В день рождения Лёли часто стояла еще не убранная елка. Когда мы были маленькими, в этот день не только «новорожденной», но и мне, и Нине (младшая сестра – Ред.) делали подарки. Отец любил сюрпризы, поэтому держал это в секрете...». В 1928 г. Лёле подарили большую куклу, она назвала ее Ириной. «В 1930-е гг., когда папа работал кондитером у Нарвских ворот на фабрике-кухне, он заказывал на наши дни рождений такие красивые и вкусные торты, украшенные роскошными кремовыми розами нежных тонов, что я вспоминала их потом всю жизнь».

Детство – это всегда школа. «Все трое - Лёля, Нина и я учились в одной школе на углу ул. Желябова (Большая Конюшенная) и Невского пр. (быв. Петершуде, № 222). Учились мы в основном на «отлично». Наши родители были довольны этим, гордились нами и охотно посещали поочередно родительские собрания. Первой задала тон Леля, мы старались от нее не отставать».

Закончив школу с золотой медалью, можно было выбирать любой вуз города. Выбор действительно был большим. Для женщин в моду входило техническое образование. «Лёля сначала собиралась идти учиться в Институт точной механики и оптики на Демидовом переулке, но потом остановила свой выбор на филологическом факультете Университета. Со студенткой скамьи в годы Великой Отечественной войны Елена Эдуардовна ушла в армию, и этим тоже подала пример свои сестрам. Они все были солдатами. Правда, Елена Эдуардовна дослужилась до чина ефрейтора.

«23 июня 1941 г. мы, - вспоминала Лида, - сдали по последнему экзамену на «5» и были переведены: Лёля - на 4-й курс, я - на 3-й курс филфак ЛГУ. После окончания сессии, т. е. в конце июня вместе с однокурсниками ЛГУ мы уехали на оборонные работы в Оредежский район. Уезжали налегке, в одних летних платьях, рассчитывая на три дня, пробыли там более двух недель. Родители тревожились за нас несколько раз ходили за сведениями в ЛГУ, но там не давали определенного ответа. Вернулись в Ленинград на два дня, а потом опять отправились на строительство противотанковых рвов, на этот раз под Новгород, в дремучие леса. Везли нас в товарных вагонах и высадили в лесу, шли пешком около 30 км. и остановились в чащобе леса. Сами строили свои временные жилища. Мы с Лелей соорудили шалаш из веток на двоих. На землю тоже постелили ветки, а сверху накинули одеяло. Подъем был в 6 утра. После завтрака, состоявшего из каши или супа, приготовленного из гороховой муки, мы шли по тропинке на строительство рвов. Работали лопатой до позднего вечера с «перекурком в 10 минут (через каждый час). Возвращались обратно с лопатой на плече, шли глядя только под ноги, чтобы не упасть от усталости. Не видели вокруг ничего, кроме узко тропинки и идущего впереди. После двухнедельного непосильного труда я заболела, меня отправили в лазарет... Через неделю я поправилась. Лёленька беспокоилась за меня, потому очень обрадовалась моему

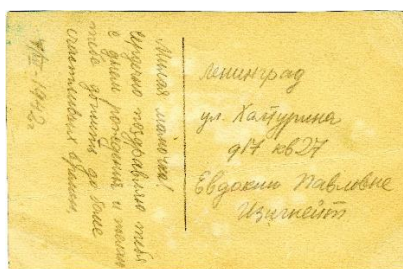
возвращению. Едва мы успели выйти на работу, как в этом районе начались военные действия. В ближайшую ночь нас стали выводить из леса. Сначала вывели к железной дороге работниц заводов и фабрик, а мы молодые бездетные студенты, выходили из опасного района последними, когда уже наступал расцвет летнего, увы, безоблачного дня. В полной тишине, «гуськом», с лопатами в руках, осторожно пробирались мы по тропкам густого леса к далеко расположенной железной дороге. Когда приходилось перебежать через лесные полянки, нас обстреливали летающие на бреющем полете вражеские самолеты. Маленькие полянки мы пробегали сравнительно благополучно, но один раз оказались на обширной открытой поляне: далеко вокруг ни ямки, ни канавки, ни кустарника. И вдруг слышим громкую команду нашего руководителя (преподавателя физкультуры) - «Ложись!». Мы с Лёлей упали ничком на землю рядом, закрыв головы лопатами, и тесно прижались друг к другу. Послышалась пулеметная очередь, несколько человек были ранены. Мы были уверены, что пришел наш конец, т. к. пулеметы строчили довольно долго. Лёля потом говорила, что больше всего она боялась за меня. Но потом самолеты полетели дальше, мы поднялись, взяли лопаты и продолжили свой путь. Шли долго до самого вечера, остановились в березовой роще – светлой и жизнерадостной. Мы так обрадовались ей после длительного пребывания в темном густом смешанном лесу с преобладанием хвойных пород деревьев и обилием мошкар. Разделили жалкие остатки еды и немного поели. Ночевали под кустами рассредоточено, сидя на корточках, мерзли от ночной прохлады и сырости. Прислушивались к голосам настоящих птиц и «кукушек», о которых нас предупредили. Только на вторую ночь подошел эшелон, нас посадили в товарные вагоны и за двое суток с длинными остановками мы наконец-то добрались до Витебского вокзала. Там мы сдали лопаты и поехали на трамвае домой. Родители уже не чаяли увидеть нас живыми».

«Наша семья начала голодать с первых дней сентября 1941 г. К этому злу добавились бомбежки, потом обстрелы из артиллерийских орудий. Наше бомбоубежище, которое готовила группа самозащиты, было уничтожено вражеской бомбой 8 сентября вместе. В соседнее бомбоубежище Дома ученых пускали только по пропускам; фактически укрыться было негде. Но у нас и желания такого не было. В сентябре, когда город бомбили почти непрерывно, все жильцы нашего дома выходили на лестницу. Тогда у многих сложилось впечатление, что лестницы крепче, чем остальные части дома. Бывали случаи, когда в разбомбленном доме лестницы оставались целыми. Но главной причиной было другое: чувство единения людей перед бедой. Об этом хорошо в те дни сказала Лёля: «На людях и смерть красна». Эта русская поговорка как нельзя более подходила к нашим выходам на лестницу по сигналу тревоги. А потом мы притерпелись к слишком частым сигналам и перестали выходить на лестницу по принципу «Будь что будет!».

«Занятия в Университета то продолжались, то прерывались, поэтому мы с Лёлей решили поступить на курсы медсестер в Василеостровском районе, которые в условиях военного времени были краткосрочными. Заниматься было интересно и не слишком трудно. Мне и Лёле в значительной степени помогало знание латинского языка, особенно при изучении фармакологии. Хотя мы обе были раньше далеки от медицины, но в военных условиях сочли приобщение к ней обязательным. Мы упорно учились, а беды наши между тем увеличивались. Голод усиливался...»

«Доставка домой воды была нашей с Лёлей обязанностью. Каждый день мы приносили по ведру воды. Ходили за водой опять вместе. Лёля брала ведро поменьше, я — побольше, так как была ростом повыше. Каждое утро моряки с кораблей, стоявших на Неве, прорубали лед (прорубь замерзала за ночь), и мы из квадратной проруби брали воду, ложась плашмя на живот, потом с трудом вытягивали из проруби ведро, ставили на лед, поднимались и медленно шли, стараясь ни капли ни пролить, сначала по обледеневшим ступеням, потом через парадную по галерее первого этажа, через двор по лестнице на четвертый этаж и по длинному коридору до обжитой нами чужой кухни».

Блокада... Сколько еще артефактов хранится в ленинградских семьях... Перебирая пожелтевшие листы ватмана, на которых с одной стороны чертеж, с другой рисунок, видно, что рисовали в семье все. Но Лёля была действительно талантлива. Как-то ее рисунки показали великому И. Бродскому. Девочку пригласили в его квартиру на площади Лассалья (ныне Искусств). Хвалил, дал несколько уроков. Но отказалась учиться сама Лёля. Она любила рисовать для души. Бродский сразу обозначил направленность работ – красные знамена, демонстрации, митинги, марши. Получив одобрение первой работы, более она к маститому художнику не пришла. Рисовала много. Но в осень 1943 г. на эскизе женской головка подписала: «Я разучилась рисовать». В сумраке бесконечных блокадных вечеров это занятие спасало девочек.

Открытка, нарисованная Еленой и подписанная маме. 1942 г.

«Вечером мама ненадолго включала «коптилку» — вставленный в маленькую баночку с керосином фитилек. При крошечном огоньке коптилки мы по возвращении с курсов начинали рисовать вместе с Ниной акварельными красками красивые открытки, вышивать большую скатерть или изучать рецепты в папиной кулинарной книге. Эти занятия помогали нам отвлечься от страшной, суровой действительности и заглушить муки голода. Нарисованные открытки мы использовали в качестве подарка ко дню рождения: 21 января Лёленьке исполнилось 22 года, 5 марта мне — 20 лет, 7 марта маме — 48 лет. На открытках мы изображали красивые цветы и мирные пейзажи: в нашей душе жила тоска по красоте и радости.

Шить и вязать их учили с детства, но у каждой был свой «конек». «В январе 1942 г. мама дала нам новую полотняную простынь и разрешила сделать из нее скатерть. Мы принялись вышивать ее яркими нитками. По вечерам мы садились вдвоем с Лёлей и работали с двух сторон. Лёле нравилось делать ажурную строчку, а я больше любила вышивать. Мы с огромным удовольствием украшали скатерть многокрасочной вышивкой ягод и фруктов. Это был виноград, арбуз, апельсины, лимоны, клубника, малина, красная и черная смородина и др. После нашей мобилизации и перехода на казарменное положение вышивку скатерти заканчивала Нина».

«В середине декабря 1941 г. Лёля сказала мне и Нине: «Девочки, я дотяну только до Нового года, дальше мне не выжить». Лёленькины слова перевернули мне душу. Я не хотела и думать о том, что мы такие молодые, еще по-настоящему не видавшие жизни, не узнавшие ни любви, ни замужества, можем погибнуть. Все душевные силы встрепенулись во мне, я не могла и не хотела в это верить. И тогда я твердо сказала: «Нет, мы не погибнем, мы будем жить!» До этого дня мы не говорили о смерти.

«Мы окончили медицинские курсы в конце февраля, но повесток о призыве в армию нам пока еще не было. Зато приносили другие повестки, связанные с трудовой повинностью. В марте вышло распоряжение Ленгорсовета о приведении в порядок дворов и уборке всех нечистот. С приближением весны создавалась опасность эпидемий. И опять

вдвоем с Лёлей мы трудились на уборке территории двора нашего дома. Иногда ломом скалывали лед и замерзшие нечистоты, чаще тащили их вдвоем на рогожке. Волокли по мостовой до набережной реки Мойки, в которую следовало их сбрасывать. Такая санитарная уборка дворов продолжалась несколько недель. Мы решили, что вскоре нас подключат к еще какой-нибудь работе, но 23 марта Лёле и мне пришли повестки из военкомата: явиться 24 марта к 10 часам в военкомат Дзержинского района на улицу Чайковского с документами, ложкой, кружкой и т. д. Куда нас отправят, конечно, не было известно. Что делать? У нас еще не был окончательно решен вопрос с похоронами отца. Папа все по-прежнему лежал в большой комнате! Для большинства выход был тогда один: братская могила. Мы тогда плохо представляли себе, как осуществляется захоронение в братскую могилу, но теперь больше нельзя было раздумывать...»

Эдуард Эдуардович скончался в ночь на 19 марта 1942 г. «Утром 18 марта 1942 г. отец сказал нам, что видел вещий сон: за ним гнался тигр. Это означает, что его смерть близка. В тот день папа обратился к нам с такими словами: «Я верю, что все будет хорошо. А обо мне не хлопчите. Сил у вас нет, потому опустите потом меня в прорубь Невы возле нашего дома». Мы слушали его слова, в глубине души считая, что очень скоро и сами последуем за ним. Блокада продолжалась и конца ей не было видно. Около 12 часов ночи у отца началась агония. Мы сразу проснулись, мама встала и зажгла коптилку, но по совету тети Мани Вороновой, которая иногда у нас ночевала, вскоре ее погасила. Они решили, что отец уже потерял сознание. Я молила Бога о том, чтобы он облегчил его страдания. Просить помощи больше было не у кого. Уходил из жизни глава нашей большой «женской» семьи. Мама остановила «папины» часы на 00 часов 17 минут. Это были большие настенные часы фирмы «Мозер и К°», которые заводил только папа, становясь в большой комнате на скамеечку. В ту ночь мама с тетей Маней одели отца и перенесли в нашу холодную квартиру».

«Вечером (23 марта 1942 г.) мама завернула отца в белую простынь и зашила ее вместе с подложенной под голову подушечкой, вышитой нами. Потом были собраны для нас двоих рюкзаки с бельем, ложкой, кружкой. Утром мама с тетей Маней отнесли отца по лестнице вниз и положили на детские саночки; мы с Лёлей ухватились за веревку и потянули за собою санки. Наш скорбный путь лежал мимо Летнего сада в морг на набережную Жореса. Мы везли санки по снегу, но уже начиналась первая весенняя капель. Долго и медленно добирались до морга. Мама передала женщине в ватнике справку о папиной смерти и спросила, куда его положить. Та ответила: «Справа на носилки». С правой стороны большого помещения, служившего, очевидно, когда-то складом, было почти свободно: мы перенесли папу на руках с саночек на свободные носилки рядом с другими. Потом я выпрямилась и подняла голову, осмотрелась в полумраке и пришла в ужас от увиденного, «волосы встали дыбом» от ужасающей картины. Прямо передо мною была высоченная гора трупов: не зашитых, в одежде и без нее, куски тела, головы, руки, ноги. Это были не только те, кого привозили родные, но и подобранные на улицах во время бомбежек и обстрелов. И меня охватило отчаяние. Мы вышли, простились с мамой, которая побрела одна домой с санями.

Мы пошли в военкомат. После оформления соответствующих документов получили направление в Центральный армейский эвакогоспиталь (ЭГ-1171), расположенный на Суворовском проспекте, дом 63. Там нас оформили в качестве палатных сестер. Но в связи с тем, что мест в общежитии не хватало, отпустили ночевать домой. Велика была радость мамы и Нины, когда мы к вечеру вернулись, ведь они думали, что простились с нами надолго, а может быть, и навсегда. Через пару дней мы уже жили в общежитии госпиталя на казарменном положении, спали с Лёлей «валетом» на одной койке. Увольнительных не давали, но несмотря на это, мы ходили домой пешком (обычно через трое суток на четвертые), чтобы повидаться с мамой и младшей сестрой. Мы трое суток старались сэкономить на каше и хлебе, чтобы прийти к ним не с пустыми руками. Питание мамы и Нины по карточкам было значительно хуже, чем питание в

столовой госпиталя, и мы начали постепенно «приходить в себя». К нашему приходу мама с Ниной что-нибудь приготавливали и припасали. Поздней весной, когда начался рост трав, мама из лебеды и крапивы варила суп или делала лепешки, оставляла и нам попробовать».

В эвакуогоспитале ЭГ-1171 летом 1943 г. Елена Эдуардовна познакомилась с будущим мужем Борисом Павловичем Биржаковым. Тогда она работала медсестрой в физиотерапии.

«Борис был электриком электроцеха и Леле иногда приходилось обращаться к нему с напоминанием о включении электроэнергии для работы лечебных аппаратов. До войны Борис работал лаборантом в Политехническом институте. Из-за общей контузии, полученной там от тока высокого напряжения, он был освобожден от военной службы. В 1942 г. призван на нестроевую службу и находился на передовой линии фронта вместе со связистами. Здесь он получил вторую контузию (от завала) и попал в госпиталь, где потом и работал».

К осени 1944 г. вернулся из эвакуации Ленинградский государственный университет. «Первой подала заявление на свое русское отделение Лёля, предъявив зачетную книжку, оставалось доучиться только два года. Ей разрешили уволиться с работы для продолжения учебы. Лёле нравилась ее специальность, и она охотно принялась за прерванные на три года занятия».

Обычная быль ленинградской семьи. Можно к этому добавить размышления о ценности семейных архивов, о культурологической значимости подобных исследований, о дискурсе и прочее, и прочее... Но стоит ли? Жизнь банальнее и намного сложнее научных концепций. И никогда никакой наукой не измерить те жизненные силы, что перешли от родителей к их детям, как сложились они воедино в желании сохранить семью, и как все последующие годы после войны они жили во имя своего отца... Они многого достигли. Но и в этом тон, по-прежнему, задавала Елена Эдуардовна. Ей выпала счастливая судьба – судьба человека, который познает родной язык.